

Жюльетта
Бенцони

Juliette Benzoni

MARIE DES INTRIGUES

Интриги Марии

Мария – королева интриг

Страсти по Марии

Жюльетта
БЕНЦИНИ

Мария – королева интриг

Москва
2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni
MARIE DES INTRIGUES
Copyright © Plon, 2004

Перевод с французского *М. Лазуткиной*

Художественное оформление *С. Ляха*

Бенцони, Жюльетта.
Б46 Мария — королева интриг/Жюльетта Бенцони ;
[пер. с фр. М. Лазуткиной]. — Москва : Издательство
«Э», 2015. — 480 с. — (Жюльетта Бенцони. Королева
французского романа).

ISBN 978-5-699-83719-9

Франция XVII века, двор короля Людовика XIII, правление кардинала Ришелье — время заговоров, противостояния политических сил и интересов, тайных интриг, подлинной королевой которых была герцогиня Мария де Шеврез.

В руках этой блестящей женщины было безотказное оружие — умение обольщать мужчин. Влюбленные, послушные ее воле, они были готовы отдать все, чтобы добиться ее расположения. А она играла ими, делая их пешками в своей игре.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Лазуткина М., перевод
на русский язык, 2005
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

ISBN 978-5-699-83719-9

Часть первая

Жажда мести

*Любовь — ничто, если
она лишена безумства,
безрассудства, всего
запретного и греховного...*

Томас Манн
«Волшебная гора»

Глава I

Дом Галигай

Четверка лошадей неслась по узкой дороге, увлекая за собой темно-зеленую карету без гербов, наглухо задернутый полог из кожи не позволял разглядеть пассажира. Карета только что, перед самым закрытием ворот, успела миновать Буасси-Сен-Леже, не сбавляя скорости и чудом не столкнувшись с выезжавшей с гумна телегой. Студеный апрельский день 1622 года клонился к вечеру, а добраться до места необходимо было засветло.

На задке несущейся с бешеной скоростью кареты лакея не было. Единственный лакей пригнулся на козлах подле кучера, здоровенного детины, уверенной рукой правившего четверкой

неистовых демонов. Кучера звали Перан. То был бретонец, крепкий и молчаливый, лицо его под надвинутой до бровей черной шляпой, казалось, было высечено из гранита. Он служил герцогине с тех пор, когда она была еще ребенком, был безгранично ей предан и подчинялся беспрекословно, за исключением тех случаев, когда она подвергала себя опасности своей неожиданной прихотью.

Внутри кареты, обитой зеленым бархатом и обложенной подушками, дабы смягчить дорожную тряску, две молодые женщины, почти ровесницы, сидели каждая в своем углу в полнейшем молчании. От самого Парижа дамы не обменялись ни единым словом. Одна из них была хорошенькой белокожей брюнеткой, закутанной в элегантный серый суконный плащ, обшитый шелковым сутажом, белым, как и накрахмаленные кружевные брыжи, точно поддерживавшие ее утонченное лицо, быть может, несколько строгое, но освещенное нежным сиянием прекрасных карих глаз. Эти глаза то и дело посматривали с затаненным беспокойством на неподвижный профиль спутницы. Никогда прежде Элен дю Латц, любимая камеристка герцогини, не видела столь напряженного выражения на ее лице, столь плотно сжатых губ и этих слез, которым лишь жгучая гордость не давала пролиться. Ей никак не удавалось взять в толк, что могло привести в такое состояние, без сомнения, самую прекрасную и самую желанную женщину во всем королевстве.

Да, конечно, она не так давно овдовела, но до сего дня она, казалось, не слишком горевала, и траур, по правде сказать, не удручал ее. В семнадцать лет Мария-Эме де Роан Монбазон стала женой большого друга молодого короля Людовика XIII, Шарля д'Альбера, герцога де Люина, буквально осыпанного дарами и почестями в знак королевской признательности и совсем недавно получившего шпагу коннетабля, в которой, однако, не было проку, ибо он был совершенно не приспособлен к подобной ответственности. Среди прочих милостей он получил дозволение жениться на самой хорошенькой девушке королевства, способной покорить сердце любого мужчины, будь то король или сам Папа! В ней было все: обольстительность, блеск, очарование и, разумеется, красота, а живой ум и жизнерадостность делали ее и вовсе неотразимой. Ее улыбка, беспечная, нежная или насмешливая, открывала ей все сердца, а ее переливчатый смех был способен смягчить самую строгую из старых вдов. К тому же Мария прекрасно владела своим нежным и теплым голосом, когда ей случалось петь, а петь сирене доводилось нередко. Будучи небольшого роста, она обладала обольстительным телом и восхитительно одевалась, сочетая элегантность с поистине королевскими манерами. Бывшие тогда в моде огромные брыжи «мельничный жернов» из накрахмаленных кружев служили блестящим обрамлением ее очаровательному лицу. У юной герцогини были тон-

кие и аристократичные черты, свежие и полные губы, лучистые синие глаза миндалевидной формы; высокий чистый лоб венчала высокая (из-за брыжей!) прическа из роскошных рыжих волос, прикрытых теперь оригинальной и чрезвычайно модной шляпой, один край которой был заколот алмазной брошью...

И вот этот блуждающий огонек потух, сирена умолкла. Точь-в-точь статуя, окутанная туманом, да и траурная одежда лишь усугубляет картину. Но почему? Элен терзалась еще больше оттого, что прежде Мария делилась с ней всем.

Все началось пятью часами ранее с приезда во дворец де Люина некоего дворянина, мсье де Фолэна, доставившего письмо из лагеря в Туре, где находился король. Гонец спешил лишь на минуту, сказав, что ответа не требуется.

Мария была в детских покоях (у нее было трое детей!), где кормилица как раз прикладывала к груди самую младшую, Марию-Анну, родившуюся в январе. Герцогиня не слишком заботилась о детях. Это было не в обычае, и в знатных семьях, особенно когда родители занимали важные посты — а Мария являлась старшей фрейлиной королевы, — считалось в порядке вещей, что дети живут отдельно от родителей, на попечении кормилиц, гувернанток и гувернеров, а также многочисленной челяди. Однако после гибели супруга, случившейся четырнадцатого декабря прошлого года на юге страны, где король вел войну, гибели, которую Людовик XIII даже

не оплакивал, чувствительная к нюансам Мария поняла, что семье покойного, вероятно, не стоит больше ожидать милостей от государя. Она отказалась от неудобных и тесных покоев в Лувре, предложенных ей взамен тех, что она занимала прежде — восхитительных и близких к покоям королевы, — и укрылась в роскошном дворце, построенном ее покойным супругом на улице Сен-Тома-дю-Лувр. Что-то подсказывало ей, что смерть де Люина принесла королю больше облегчения, нежели горя. Королевское письмо застало ее в собственном доме.

Когда она читала его, ни один мускул не дрогнул на ее лице, обычно столь живом. Побледнев, она молча и с презрением бросила письмо в огонь, и Элен не посмела ни о чем спрашивать. Впрочем, герцогиня раскрыла рот лишь для того, чтобы дать несколько коротких распоряжений: немедленно отправить гонца в ее замок в Лезиньи, чтобы известить о ее приезде, подготовить дорожный сундук, ее карета с Пераном и одним лакеем должна быть готова через час. Затем она велела Элен готовиться ехать вместе с ней. Тем временем Мария написала письмо, которое приказала доставить королеве, заперлась на несколько минут в своей часовне, что весьма удивительно, ибо набожностью она не отличалась, после чего переделась и, не потрудившись уведомить мажордома о длительности своего отсутствия, не говоря ни слова, села в карету вместе со своей камеристкой.

Молчание не было нарушено до самого приезда в Лезиньи, очаровательный новый замок из кирпича и белого камня, построенный Кончино Кончини десятью годами ранее. Флорентийский авантюрист, добившийся всемогущества вплоть до звания маршала Франции благодаря расположению к нему Марии Медичи, вдовы Генриха IV и регентши до совершеннолетия сына, не был лишен ни вкуса, ни осмотрительности. Прекрасный сельский замок с большими окнами и изящными павильонами отражался в водах рва, через который был наведен мост с подъемной частью, позволяющей перекрыть доступ внутрь.

Кончини не успел насладиться замком: едва тот был достроен, как совсем юный Людовик XIII, выведенный из себя дерзостью флорентийца и подстрекаемый Люином, велел капитану своей стражи убить его у ворот Лувра, а его вдова Леонора Галигай вскоре была схвачена по обвинению в колдовстве и казнена на Гревской площади. Одновременно с этим королева-мать, у которой Кончини, как поговаривали, состоял в любовниках, была сослана в замок Блуа. Подобная «чистка» позволила шестнадцатилетнему монарху начать собственное царствование, при этом он возвратил ко двору бывших советников своего отца, отстраненных некогда флорентийцем.

Подстрекатель же получил награду, соразмерную оказанной услуге. К нему перешли имущественно и часть постов Кончини. Несколько месяцев спустя Шарль д'Альбер де Люин, из знатной,

но весьма бедной провансальской семьи, происходившей, кстати сказать, именно из Флоренции, женился на дочери одного из самых влиятельных вельмож Франции и Бретани, Эркюля де Роана, герцога де Монбазона и пэра Франции. Иными словами, на Марии. Ей было семнадцать лет, ему — без малого сорок... Медовый месяц они провели в Лезиньи.

Между тем молодая вдова так спешила сюда отнюдь не для того, чтобы предаваться воспоминаниям о первых днях своего замужества, замок нравился ей, но никаких особенных чувств не вызывал. Люин оказался для нее первым наставником, более приятным, нежели обычно бывают мужья, к тому же он не был лишен привлекательности, и пять прожитых вместе лет они неплохо ладили. При этом любовь к роскоши и жизни на широкую ногу связывала их больше, нежели дети — мальчик и две девочки, — родившиеся от их союза. Со своим супругом Мария открыла страсть к любви, но уже тогда она знала, что тускловато-дружеские чувства, которые она питала к нему, лишь крайне отдаленно напоминали те чувства с большой буквы, о которых мечтает любая женщина. Вот почему и вдовство вызывало в ней лишь легкую печаль, тем более что в последнее время чрезмерная гордыня Шарля, его мания величия и стремление навязывать свою волю всем, включая короля, превратили его в точную копию Кончини. Он умер на войне, но от болезни и бесславно, успев, однако, при осаде Монто-

бана выставить на посмешище шпагу коннетабля, незадолго до того выклянченную у Людовика XIII.

Едва карета остановилась у парадного подъезда, освещенного фонарями и светом из окон, Мария прыгнула на землю, не ожидая ничьей помощи, и быстрыми шагами, так, что Элен едва поспевала за ней, направилась к дверям, неопределенно махнув рукой в сторону мажордома и нескольких лакеев, согнувшихся пополам в приветственном поклоне. Она дошла таким образом до своей спальни, где огонь весело горел в камине из резного порфира, напоминавшем церковный аналой. Сбросив с себя подбитый мехом чернубурки плащ, она упала в ближайшее кресло, метая молнии взглядом.

— Проклятие! — воскликнула она. — Так поступить со мной, а ведь еще совсем недавно он утверждал, что любит меня! Я заставлю его пожалеть, пусть даже мне придется потратить на это всю жизнь!

Она приподняла до колен свои черные юбки, подвинув к огню ножки безупречной формы в чулках из белого шелка, расшитого ярким рисунком по испанской моде — тайный протест против мрачного цвета траура, — некоторое время с удовольствием разглядывала свои ступни, затянутые в высокие замшевые ботинки, украшенные красными бантами, после чего внезапно рассмеялась, и комната наполнилась веселым хохотом, совершенно не вязавшимся с трагическим выражением, не сходившим с ее лица в течение

всего пути. Однако такая смена настроений говорила о назревающей буре, и камеристка, выдавшая и не такое, сперва подобрала с пола плащ и положила его на кровать, затем встала позади кресла, чтобы снять угрожающе покачивающуюся шляпу, и, наконец, достала из флорентийского шкафчика из дерева ценной породы красно-синий муранский флакон с испанским вином, наполнила бокал из такого же стекла и подала его Марии. Смех все еще звучал, но уже более отрывисто, будто переходя в рыдания. Лицо ее теперь было залито слезами. Между тем камеристка немного успокоилась: этот странный припадок оказался спасительным после долгого напряжения, в котором замкнулась герцогиня. Девушка осторожно поднесла бокал к ее дрожащим губам:

— Выпейте, мадам! Вам станет лучше!

Мария машинально повиновалась, сделала пару небольших глотков, после чего схватила бокал и разом опустошила его.

— Ах! И правда мне лучше! — вздохнула она. — Как чудесно, что ты всегда угадываешь, что мне нужно! Даже когда не знаешь, в чем дело. Налейка мне еще!

Элен подчинилась. Подобно большинству знатных дам того времени, за исключением чрезмерно религиозных особ, супруга коннетабля умела пить без вреда здоровью. Второй бокал Мария осушила уже медленнее, затем откинулась на бархатную спинку, положила ноги на подставку для дров и улыбнулась:

— Думаешь, я сошла с ума?

— О нет! Просто вы получили дурную весть!

— Можно сказать и так: король удостоил меня чести, написав о своей немилости. Мне запрещено появляться в Лувре. Та же участь постигла мадемуазель де Верней!

— Его собственную сестру? О!

— Сводную сестру¹. Королева так просила за нас, что я уж думала, что об этом деле позабыли. Похоже, ничего подобного. Мы продолжаем расплачиваться за тот злосчастный случай.

Месяцем ранее, в понедельник, четырнадцатого марта, Анна Австрийская с любимыми фрейлинами — своей золовкой и госпожой де Люин — отправилась ужинать к принцессе Конде, которая «не вставала с постели», иными словами, принимала в собственной спальне, как было тогда модно, — в своих покоях в Лувре... Вечер прошел восхитительно: множество дам и мужчин окружали хозяйку. Играла музыка, подавали легкие закуски, гости много смеялись. Короче говоря, все веселились до тех пор, пока королева не обнаружила, что уже полночь, и не собралась возвращаться к себе привычной дорогой, то есть через большой зал дворца, служивший тронным залом во время церемоний. В этот поздний час безлюдный и полутемный зал предстает перед тремя юными дамами, слегка захмелевшими

¹ Анжелика де Верней была дочерью Генриха IV и Генриетты д'Антраг, маркизы де Верней. *(Здесь и далее примечания автора.)*

и продолжающими заливисто хохотать, темным зеркалом из натертого до блеска мрамора. Тут Марии приходит в голову идея скользить, разбежавшись, по этой блестящей пустыне. Две ее спутницы идею немедленно поддерживают. Молодая королева, быть может, слегка колеблется, но у Марии на все готов ответ:

— Мы будем поддерживать вас под руки! Будет очень забавно.

Она берет Анну под руку, Анжелика де Верней подхватывает ее с другой стороны, и, покатываясь со смеху, они устремляются вперед, точно на коньках по льду. Однако в глубине зала есть возвышение, на которое обычно ставится трон. Они с ходу налетают на него, причем фрейлинам столкновение не причиняет никакого ущерба, но королева падает и вскоре начинает жаловаться на сильную боль. Она на шестой неделе беременности, и в среду, шестнадцатого, потрясенный двор узнает о том, что надеждам королевства не суждено сбыться. У Анны это уже не первый выкидыш, но прежние случались на более ранних сроках, и на этого ребенка король возлагал большие надежды. Сперва от него скрывали причину «недомогания», постигшего его жену, пока он находился на юге Франции, но в конце концов пришлось открыть ему всю правду. Людовик впал в страшную ярость, к которой примешивались горе и разочарование. Супруга получила от него гневное письмо, в котором он приказывал удалить мадам де Люин и маде-